Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ.

ГОЛОСЪ ТРУДА

ИЗДАНІЕ СОЮЗА АНАРХО-СИНДИКАЛИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ.

Выходитъ еженедѣльно по пятницамъ.

ЦѢНА № 20 КОП.

Редакція и Контора:
Петроградъ, Птг. ст., Полозова ул., д. 26, кв. 3.
Контора открыта отъ 3-хъ до 7 час. вечера въ будніе дни.

Секретарь Редакціи
принимаетъ ежедневно, кромѣ воскресенья и праздниковъ, отъ 6 до 7 веч.

Условія подписки:
На 6 мѣсяцевъ . . . . 6 руб.
На 3 мѣсяца . . . . 3 руб.

Деньги, заказы и т. д. просятъ присылать не на имя газеты или Союза, а на имя секретаря редакціи: А. Шапиро, Полозова ул., 26, кв. 3.

№ 9. Пятница 6 (19) Октября 1917 г. № 9.

Вмѣсто передовой.

Издавна принято посвящать передовыя статьи глубокомысленнымъ размышленіямъ о „текущихъ событіяхъ“. И я охотно вѣрю, что оно такъ и должно быть. Газета живетъ недолго: одинъ день, недѣлю... Естественно, что отъ нея ждутъ, прежде всего, живого отклика на злобу этого дня, этой недѣли.

Что дѣлать, однако, если событія, въ одинъ прекрасный (или не прекрасный) моментъ, какъ-будто перестаютъ „течь“ и, расплывшись на время безформеннымъ, мутнымъ пятномъ, превращаются въ стоячее болото, не обнаруживающее никакихъ ясныхъ признаковъ „теченія“?

Именно таковъ, въ его цѣломъ, настоящій моментъ. Рѣка событій, до сихъ поръ то спокойно протекавшая по равнинамъ, то—чаще—бурно кипѣвшая по стремнинамъ горъ, низринулась, наконецъ, въ глубокую котловину и—остановилась, застыла,—правда, продолжая глухо бурлить въ глубинѣ своей, у самаго дна, но не находя яснаго пути своему дальнѣйшему разбѣгу.

Да будетъ же мнѣ позволено, въ такой моментъ, вмѣсто бесѣды о „текущихъ событіяхъ“, воспользоваться временной пріостановкой теченія и, бросивъ взглядъ назадъ, окинуть „мысленнымъ взоромъ“ пройденный путь.

Меня тѣмъ болѣе соблазняетъ эта мысль, что, лишь на-дняхъ вернувшись, послѣ мѣсячнаго отсутствія, въ нашу „революціонную столицу“, я—признаться—не успѣлъ еще какъ слѣдуетъ проникнуться ея новыми настроеніями, запросами и интересами.

Итакъ, оглянемся назадъ и—подведемъ нѣкоторые итоги.

* * *

Вы помните, конечно, первые дни, первыя недѣли революціи? Дни праздничнаго ликованія, дни восторженныхъ упованій и ничѣмъ, почти ничѣмъ не омраченной радости... Дни весенніе, дни голубые, дни солнечные...

Гдѣ они теперь, эти невозвратные дни?.. Гдѣ былыя надежды? Гдѣ осіянная радость революціонной, красной весны, первой воистину „красной“ Пасхи?.. Гдѣ они?..

Пришла осень.

Свинцовое небо. Свинцовыя тучи. Тяжелыя, молчаливыя, осеннія слезы...

Пришла такая же тяжелая, мучительная, кошмарная жизнь въ темномъ тупикѣ, въ стоячемъ болотѣ, въ мрачной котловинѣ революціи...

Какъ страшно измѣнилось все вокругъ насъ и въ насъ самихъ!.. Какимъ ужасомъ, какимъ зловѣщимъ мракомъ затянулись былыя упованія и радости...

Какими темными, безпросвѣтными буднями смѣнился сіяющій праздникъ революціи... Какими тяжкими сомнѣніями отравлена бодрая, ясная увѣренность первыхъ дней...

* * *

Почему же не оправдалась радость? *Почему* не сбылись надежды? *Почему* великая революція, такъ бодро, такъ увѣренно, такъ сильно и величаво начатая, докатилась нынѣ до темной бездны, вмѣсто яснаго, свѣтлаго, творческаго, неомраченнаго развитія? *Почему?!*

Въ борьбѣ новыхъ силъ, высвободившихся изъ-подъ обломковъ разрушеннаго зданія, *только одно* могло *сразу* направить революцію на истинный, широкій и *творческій* путь. Только одно могло поддержать, подхватить и поставить на новые рельсы всю *хозяйственную* жизнь страны. Только одно могло развернуть передъ революціей *дѣйственные общественные* горизонты. Только одно могло направить по вѣрной дорогѣ и повести къ *рѣшенію* весь страшный вопросъ *о войнѣ*. Только одно: съ первыхъ же дней революціи, вся трудовая Русь, все трудовое населеніе городовъ и деревень—рабочіе, крестьяне и, отчасти, солдаты—должны бы были, создавая сѣть своихъ трудовыхъ, *внѣпартійныхъ*, массовыхъ организацій и дѣятельно объединяя ихъ между собою, приступить немедленно къ разработкѣ и воплощенію въ жизнь плана перенятія „въ свои руки“,—то-есть, въ вѣдѣніе и распоряженіе этихъ организацій,—всей хозяйственной жизни страны. Съ первыхъ же шаговъ революціи, массы должны бы были направить всю свою энергію на работу по *предварительной организаціи*, подготовляя какъ дальнѣйшую планомѣрную экспропріацію всѣхъ средствъ производства, такъ и перенятіе въ свои руки всего дѣла передвиженія и распредѣленія продуктовъ, всей продовольственной задачи.

Ясно, что эта громадная организаціонная задача должна была бы рѣшаться безпартійно и отнюдь не на основахъ властнаго принужденія. Ясно, что вся эта задача была бы задачей *творческой* и *устрояющей*. Ясно, что эти же организаціи должны бы были дѣйственно и ясно поставить и рѣшить вопросъ войны и мира; что *только онѣ могли бы рѣшить его!*

Ясно, что всѣ силы должны были быть направлены на эту многостороннюю, творческую задачу. Ясно, что вся соціалистическая, честная интеллигенція должна была помочь массамъ выполнить эту сложную задачу своими знаніями, совѣтами, разъясненіями...

Было ли это сдѣлано? Такимъ ли путемъ шелъ революціонный процессъ?

Оглянитесь назадъ. Вы увидите, что на это, *единственно-необходимое* дѣло не было обращено ни малѣйшаго вниманія.

Массы, слишкомъ темныя и неподготовленныя, были не въ силахъ сразу же осознать этотъ путь и вступить на него.

Интеллигенція, демократія—да будетъ она проклята исторіей!—по старой привычкѣ, послушная нелѣпой догмѣ „научнаго соціализма“, потянулась къ верхамъ, къ центру, къ „политической власти“... Началась—тамъ, на верхахъ—великая партійная междоусобная брань. Начался дикій „танецъ программъ“. Началась безумная „пляска власти“, закончившаяся, пока-что, неслыханнымъ въ исторіи трагическимъ фарсомъ—„Демократическимъ Совѣщаніемъ“, съ необычайной яркостью (увы, не для слѣпыхъ!) разбившимъ послѣднія иллюзіи ребяческой „идеи власти“... Начались безконечныя пренія во всякаго рода политическихъ говорильняхъ, гдѣ одни и тѣ же люди, словно привидѣнія, появлялись, кружились, говорили, исчезали, снова появлялись и снова исчезали... Живого *дѣла*, *дѣйствія*, *творчества*—не было.

А *жизнь*,—та самая жизнь, которую надо было неотложно налаживать и создавать творческими усиліями массовыхъ организацій на мѣстахъ,—эта жизнь разваливалась, разсыпалась, загнивала...

Совѣты, руководимые все тѣми же политическими болтунами, все болѣе и болѣе повисали въ воздухѣ. „Правительство“ занималось ребяческой игрой во власть, шушуканіями, пререканіями и интригами...

Что же удивительнаго, что послѣ семи мѣсяцевъ этой нелѣпой, безумной политической оргіи, этого бреда политически помѣшанныхъ людей, вся *подлинная народная жизнь*, а вмѣстѣ съ нею и *революція*, оказалась въ тупикѣ и разлилась въ немъ смраднымъ, чадящимъ болотомъ?!

Какой ужасъ!

Какая боль—видѣть и сознавать все безуміе совершающагося и... быть безсильнымъ остановить, образумить преступниковъ, слѣпцовъ и трусовъ революціи!..

* * *

Люди часто спрашиваютъ: возможенъ ли еще творческій выходъ изъ создавшагося положенія? Возможно ли еще *истинное спасеніе революціи?*..

Наверху—тупые политиканы, пустые болтуны, безсовѣстные ренегаты и жалкіе, не вѣрящіе въ свободный размахъ и творчество массъ, трусы; внизу—еще недостаточно сознательные, во многомъ темные, ощупью ищущія дорогу и пробивающіяся сквозь тьму массы... А за сценой — развалившаяся, разоренная, гибнущая жизнь, кишащая всевозможными кошмарными призраками: голода, разгромовъ, погромовъ, гражданской войны, диктатуры и пр.,—призраками, готовыми каждую минуту облечься въ плоть и кровь, ворваться на сцену и, подъ свистъ и улюлюканье нечистой силы, расшвырять въ разныя стороны какъ участниковъ, такъ и зрителей великой трагикомедіи... Куда идемъ мы? Куда идетъ революція? — въ судорогахъ отчаянія спрашиваютъ себя люди, и зачастую не находятъ отвѣта.

Мнѣ предстоитъ еще, въ послѣдующихъ номерахъ „Голоса Труда“, подробно остановиться на рядѣ выдвигаемыхъ революціей и моментомъ жгучихъ вопросовъ (о тупикѣ революціи и о выходѣ изъ него; объ организаціи массъ; о *власти*; о Совѣтахъ и объ Учредит. Собраніи, и т. д.),—вопросовъ, отчасти уже затронутыхъ мною въ нѣкоторыхъ статьяхъ первыхъ четырехъ номеровъ газеты.

Пока же — скажу, въ заключеніе, одно:

Или—въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи, въ результатѣ происходящихъ ужасовъ, бѣдствій и передрягъ, послѣ пріостановокъ, новыхъ вспышекъ, откатовъ назадъ, столкновеній, ошибокъ, быть-можетъ, даже, гражданской войны и временной диктатуры,—массы, въ не прекращающихся творческихъ исканіяхъ, *сумѣютъ*, наконецъ, довести свое сознаніе до той высоты, которая позволитъ имъ направить свои творческія силы въ русло самостоятельной организаціи и созидательной дѣятельности на мѣстахъ. И тогда—спасеніе и побѣда революціи будутъ обезпечены.

Или—массы такъ и *не сумѣютъ* построить, въ процессѣ этой революціи, свои собственные, объединенные между собою и прямо направленные на созиданіе новой жизни, организаціи. Въ этомъ случаѣ, революція будетъ, рано или поздно, задушена; ибо довести революцію до побѣднаго конца могутъ только такія организаціи...

Есть серьезные шансы за то, что сама жизнь, на этотъ разъ, *неизбѣжно* (хотя, быть-можетъ, еще и не такъ скоро; но, соціальная революція и должна быть длительнымъ процессомъ) приведетъ массы къ *явной необходимости* взять задачу переустройства жизни въ собственныя руки, т.-е. въ руки своихъ, приспособленныхъ, со временемъ, къ этой цѣли, организацій.

На этой *почти неизбѣжности* мы должны основывать всѣ наши надежды.

Волинъ.

Договорился!

„...*Власть демократическая безъ цензовыхъ элементовъ будетъ властью соціалистической. Я боюсь сказать, что дѣятельность этой власти будетъ гораздо менѣе блестяща, чѣмъ дѣятельность прежняго временнаго правительства. Пусть знаютъ товарищи, что спасти государство такая власть, въ которую будутъ входить всѣ, начиная отъ народныхъ соціалистовъ до большевиковъ, не въ состояніи. Власть эта въ ближайшіе мѣсяцы не дастъ того, что нужно широкимъ массамъ. Широкіе слои демократіи, которые здѣсь представлены, не будутъ, однако, поддерживать этой власти, если не получатъ отъ нея ощутительныхъ результатовъ, если она не дастъ имъ хлѣба и мира... Проклянутъ тогда новую власть, какъ проклинали самодержавное правительство*“.

Такъ говорилъ на демократическомъ совѣщаніи, 16 сентября, министръ-соціалистъ М. И. Скобелевъ. Наконецъ-то! Золотыя слова, чуть-ли не анархическія!..

Какое жалкое положеніе занимаютъ теперь соціалисты-министры! Кажется, власть все время вертится вокругъ нихъ, но взять ее всецѣло въ свои руки они страшатся... Слишкомъ серьезенъ моментъ... слишкомъ мизерны «свои» силы... И они ищутъ буржуазію,—ту самую, противъ которой вели многолѣтнюю борьбу, и ей, своему заклятому врагу, вручаютъ нынѣ власть, орудіе угнетенія и порабощенія.

Гдѣ же соціализмъ? Куда упрятаны интересы угнетенныхъ и бездоленныхъ? И если демократическая „*власть будетъ гораздо менѣе блестяща, чѣмъ дѣятельность прежняго временнаго правительства*“,—то почему не сознаться и не заявить открыто, честно и смѣло предъ лицомъ изстрадавшагося народа, что *никакая власть не спасетъ страны* и что спасеніе, слѣдовательно, *въ безвластіи?*

Но, мужества нѣтъ. И вмѣсто того, чтобы всей душой, всѣмъ сердцемъ и тѣломъ перейти на сторону трудящихся и вмѣстѣ съ ними приступить *къ общественной экспропріаціи и организаціи*, — единственно вѣрному средству,—господа министры-соціалисты тянутъ сторону буржуазіи и даютъ ей въ руки оружіе для борьбы съ рабочимъ классомъ!

Гр. Райва.

Кошмаръ.

(Посв. А. П. Н—ой)

...Бываетъ у меня
Ужасный гость. Безсонными ночами
Ко мнѣ приходитъ онъ. И молча, безъ затѣй,
Къ постели приближается моей
Неслышными, но тяжкими шагами.

Развязно отстранивъ меня рукой,
Ко мнѣ садится онъ, поближе къ изголовью,
И глухо шепчетъ мнѣ... И шопотъ роковой
Его подобенъ черному злословью.

Онъ говоритъ: «Оставь мятежный бредъ.
«Взгляни вокругъ: рабовъ себялюбивыхъ
«Ужель измѣнишь ты?.. Въ мечтахъ вольнолюбивыхъ
«Ужель не жаль тебѣ погибшихъ лучшихъ лѣтъ?!..
«Безумецъ! Гдѣ плоды твоихъ мученій?..
«Слѣпецъ! Законъ вѣковъ ты вздумалъ превозмочь?!..
«Но слышишь—вѣчный опытъ прошлыхъ поколѣній
«Смѣется надъ тобою въ эту ночь...»

Онъ говоритъ—и, словно капли яда,
На сердце падаютъ тяжелыя слова;
И, какъ въ огнѣ, горитъ больная голова;
И языка не движется громада...

Но вдругъ—далекій стонъ я слышу: ревъ и вой
Неумолимаго и грознаго прибоя...

Онъ ближе... Онъ растетъ, спасительный прибой!..
И слышу я слова!.. слова въ хаосѣ воя!!..

Я слышу грозный вопль мильоновъ голосовъ;
И лязгъ оружія; и звонъ цѣпей разбитыхъ...
Побѣдный кличъ живыхъ; предсмертный стонъ убитыхъ
На приступѣ твердынь законовъ и вѣковъ...

Онъ ближе... Онъ вездѣ. Онъ здѣсь—народный гамъ...
И комната полна чудеснаго движенья...
И красныхъ факеловъ отсвѣты по стѣнамъ
Трепещутъ заревомъ побѣднаго смятенья...
И я кричу: «Ты слышишь?... Вотъ отвѣтъ!»
Хочу бѣжать...

Тиха моя обитель.
Все мирно и темно. Погасли шумъ и свѣтъ.
Лишь у дверей еще стоитъ мой искуситель.

Онъ побѣжденъ—но медлитъ уходить.
Улыбкой злобною лицо его кривится...
И слышу я—онъ шопотомъ грозится
Еще не разъ ко мнѣ ночами приходить.

В. Э.

(Парижъ. Дек. 1915.)

ЦИРКЪ МОДЕРНЪ.

Союзъ Анархо-Синдикалистской Пропаганды

(Выборгскаго района)

УСТРАИВАЕТЪ

ЧЕТЫРЕ публичныхъ лекціи

тов. ВОЛИНА.

1-ая лекція, въ воскресенье, 8-го октября, въ 7 час. веч., на тему: **Кризисъ соціализма и рабочее движеніе за-границей.**

2-ая лекція, въ воскресенье, 15-го октября, *въ 2 ч. дня*, на тему: **Что такое анархо-синдикализмъ.**

3-ья лекція, въ среду, 25-го октября, въ 7 ч. веч., на тему: **Какъ осуществится соціальная революція.**

4-ая лекція, въ воскресенье, 5-го ноября, въ 7 ч. веч., на тему: **Пути и горизонты нынѣшней революціи.**

Плата за входъ на каждую лекцію—75 коп. Солдаты—25 коп.

Билеты въ конторѣ „Голоса Труда“ и при входѣ, въ кассѣ Цирка.

Большевизмъ и Анархизмъ.

«Не довѣряю данайцамъ— даже когда они приходятъ съ подарками».

I.

Общественное—вѣрнѣе, обывательское—мнѣніе очень часто и очень охотно смѣшиваетъ большевиковъ съ анархистами, «большевизмъ» съ «анархизмомъ». Не только въ разговорахъ и на собраніяхъ, но и въ почтенныхъ органахъ печати встрѣчаешься не разъ съ утвержденіемъ, что-де «большевики—по существу, тѣ же анархисты»; «большевики и анархисты—въ сущности, одно и то же; «большевизмъ есть лишь разновидность анархизма», и т. п. Придуманъ даже «остроумный» терминъ, зачастую украшающій газетные столбцы и призванный наглядно обозначить близость большевизма къ анархизму: «анархо-большевики»... Если же заглянуть въ меньшевистскую печать, то тамъ можно найти немало строкъ, убѣдительно доказывающихъ, что большевики лишь «по недоразумѣнію» продолжаютъ считать себя марксистами; что «по существу» они безнадежно оторвались отъ истиннаго марксизма и подошли вплотную къ анархизму.

Такое смѣшеніе понятій, поскольку оно дѣлается не съ нарочитой цѣлью «опороченія» большевиковъ, является, конечно, глубокой ошибкой, основанной, главнымъ образомъ, на полномъ незнаніи или непониманіи сущности анархизма. Но есть, все-же, въ этой ошибкѣ «нѣчто систематическое»... И есть въ ней, стало-быть, нѣкая крупица истины. И тѣмъ важнѣе для насъ, отмѣтивъ эту крупицу, ясно опредѣлить грань между однимъ и другимъ теченіемъ.

Въ былое время,—всего какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ тому назадъ,—всѣ, безъ исключенія, соціалъ-демократы съ ужасомъ открещивались отъ нашихъ «еретическихъ» утвержденій.

Когда, въ области аграрнаго вопроса, мы, анархисты, говорили, что, во время революціи, крестьяне должны брать землю не ожидая *Учредительнаго Собранія*, которое, въ лучшемъ случаѣ, сможетъ лишь закрѣпить «на бумагѣ» то, что фактически сдѣлано будетъ руками самихъ массъ,—соціалъ-демократы называли насъ утопистами, фантазерами, невѣждами, безсознательно тормозящими колесо исторіи и играющими на-руку реакціи, вмѣсто того, чтобы помогать нормальному, «объективному» ходу вещей... Они «научно» разрабатывали, въ то время, аграрный вопросъ и разрѣшали его весьма глубокомысленно, съ точки зрѣнія самой тонкой экономической и государственной мудрости.

Загляните же нынѣ въ большевистскую печать. Пробѣгите тамъ статьи по аграрному вопросу. Пріостановитесь на минутку около большевистскихъ избирательныхъ афишъ... Вы прочтете вездѣ ту самую аграрную «программу», которая именовалась «вредною» соціалъ-демократами дореволюціонной эпохи.

Когда, въ области рабочаго вопроса, мы упирали на самодѣятельность массъ, на первенствующую роль самодѣятельныхъ рабочихъ организацій, на непосредственное дѣйствіе этихъ организацій и игнорированіе государственныхъ пріемовъ рѣшенія рабочаго вопроса,—соціалъ-демократы называли насъ фанатиками или демагогами... Они возлагали на государственный аппаратъ всю главную работу по раскрѣпощенію рабочихъ массъ. Внѣ государства они признавали лишь профессіональные союзы, да и то не иначе какъ подъ непосредственнымъ руководствомъ ихъ партіи, то-есть, опять-таки, государства.

Сравните же, теперь, «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій». Поистинѣ, «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»... Вѣдь, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что поскольку нынѣ большевики ушли съ головой въ глубь массовыхъ рабочихъ организацій; поскольку они развиваютъ сейчасъ энергичную дѣятельность въ нѣдрахъ самостоятельныхъ рабочихъ ячеекъ и проявляютъ, наконецъ-то, признаки здороваго чутья, основывая рабочее дѣло на *самодѣятельности рабочихъ массъ;* поскольку они активно работаютъ въ безчисленныхъ фабрично-заводскихъ комитетахъ, контрольныхъ комиссіяхъ и т. п., невольно забывая о государствѣ и о государственной «рабочей программѣ»; поскольку они являются горячими приверженцами «Совѣтовъ» и, не покладая рукъ, развертываютъ тамъ свою борьбу; поскольку, словомъ, нынѣшніе большевики беззавѣтно отдались массамъ, идя рука-объ-руку съ ними и связывая судьбу революціи съ судьбой *самостоятельныхъ и самодѣятельныхъ рабочихъ организацій*, безгосударственныхъ и, по существу, безпартійныхъ,—постольку они, нынѣшніе большевики, оставили, и въ области рабочаго вопроса, далеко позади всѣ свои старые марксистскіе трафареты и подошли вплотную къ чисто-анархической идеѣ и къ анархической тактикѣ.

Когда, наконецъ, мы утверждали, что ближайшая революція имѣетъ весьма серьезные шансы претвориться въ *революцію соціальную*,—соціалъ-демократы просто смѣялись надъ нами и доказывали, «по Марксу», что «объективныя условія для соціальной революціи далеко еще не созрѣли»...

Прислушайтесь нынѣ къ рѣчамъ большевиковъ; присмотритесь къ ихъ писаніямъ и дѣламъ,—и вамъ станетъ ясно, что пути ихъ прокладываются теперь скорѣе «по Бакунину», чѣмъ по Марксу.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»...

Въ былое время, мы до отчаянія спорили съ соціалъ-демократами по всѣмъ, затронутымъ сейчасъ мною, вопросамъ. И въ заключеніе споровъ, намъ приходилось нерѣдко говорить нашимъ противникамъ: «Попомните вы наше слово... Когда разразится революція, тогда вы, соціалъ-демократы, или перестанете быть истинными соціалистами, или подойдете, въ концѣ концовъ, къ анархизму. Одни изъ васъ, неглубокіе, нечуткіе или же не очень совѣстливые, измѣнятъ соціализму. Другіе же, чуткіе и честные, неизбѣжно придутъ къ намъ»...

Революція разразилась. Разразилась въ Россіи, гдѣ, несомнѣнно, *съ марксистской точки зрѣнія*, «объективныя условія» менѣе всего созрѣли для соціальной революціи и для переустройства хозяйственно-общественныхъ отношеній на новыхъ началахъ. И что же? Слова наши сбылись въ точности. Соціалъ-демократія раскололась. Одно ея теченіе—меньшевики—въ общемъ равняется «по Марксу»; другое—большевики—въ цѣломъ рядѣ пунктовъ приблизилось къ намъ. (Я оставляю въ сторонѣ нѣкоторыя промежуточныя теченія).

Правда, большевики ни за что не хотятъ въ этомъ сознаться. Они продолжаютъ называть себя марксистами, соціалъ-демократами. Они утверждаютъ, въ пику меньшевикамъ, что именно они, большевики, остаются *истинными* революціонными марксистами; что именно они правильно усвоили и понимаютъ «духъ марксизма»... И когда приходится указывать на полное противорѣчіе между ихъ нынѣшними взглядами и ихъ же проповѣдью недавняго прошлаго, они говорятъ: «Мы ничуть не отступили отъ марксизма. Истинный марксизмъ какъ-разъ и научаетъ учитывать реальную обстановку, объективныя условія времени и основывать на этихъ условіяхъ нашу дѣятельность. До революціи мы, естественно, не могли знать, въ какихъ именно условіяхъ она произойдетъ. И поэтому, намѣчая и отстаивая лишь наши *общія* положенія, мы не могли, въ то время, точно предвидѣть линію нашей борьбы въ моментъ революціи. Когда революція разразилась, мы учли ту реальную обстановку, тѣ конкретныя условія, въ которыхъ она развернулась, и сдѣлали изъ этого учета соотвѣтствующіе выводы, нисколько не противорѣча, такимъ образомъ, истинному духу и смыслу Марксова ученія».

На такую защиту новой позиціи, занятой нынѣ соціалъ-демократами большевиками, можно возразить очень многое. Укажемъ, хотя-бы, на слѣдующее обстоятельство. Когда требуется, соціалъ-демократы умѣютъ очень хорошо разъяснять, что подъ «объективными условіями» марксизмъ понимаетъ отнюдь не тѣ или иныя «частности», не тѣ или другія «случайныя» (пусть даже весьма конкретныя) явленія момента или эпохи, а весь *общій ходъ развитія экономической жизни, въ ея цѣломъ*, и общій уровень общественной культуры. Въ данномъ случаѣ, требуется разъяснить какъ-разъ обратное. И—большевики «разъясняютъ». Нисколько не смущаясь, они выдвигаютъ и защищаютъ нынѣ, въ качествѣ строго-марксистской, точку зрѣнія, прямо противоположную первой. Они утверждаютъ теперь, будто истинный марксизмъ учитъ опираться именно на «реальныя условія» каждаго даннаго момента. Марксизмъ тѣмъ-то и цѣненъ,—говорятъ они,—что даетъ намъ въ руки опредѣленный методъ, оперируя которымъ, мы можемъ оріентироваться и намѣтить правильный путь въ любой конкретной исторической обстановкѣ. Они, такимъ образомъ, незамѣтно подмѣняютъ понятіемъ о «реальныхъ условіяхъ момента» прежнее понятіе объ обще-историческихъ «объективныхъ условіяхъ». Сами же отмѣчая въ обстановкѣ нынѣшней революціи тѣ черты «исторической случайности», которыя-де, естественно, не давали имъ возможности *заранѣе* предвидѣть и учесть «реальныя условія», въ которыхъ совершится революція, они кладутъ нынѣ во главу угла и въ основу своей дѣятельности именно эти частныя, случайныя, «субъективныя» особенности момента и революціи,—особенности, отнюдь не совпадающія и ничѣмъ не связанныя съ общими, «объективными» признаками. Ничуть не грѣша, въ этомъ случаѣ, противъ *анархизма*, вообще отрицающаго марксистское толкованіе роли «объективныхъ условій», они, несомнѣнно, сильно погрѣшаютъ противъ *марксизма*, какъ принципіальной, историко-философской и экономической *системы*. И недаромъ пресловутый «марксистскій методъ» оказывается на дѣлѣ столь неопредѣленнымъ и неудачнымъ, что приводитъ самихъ марксистовъ къ скандальному расколу передъ лицомъ «конкретной исторической обстановки».

Не входя въ болѣе подробную критику нынѣшней позиціи большевиковъ, дабы не отвлечься отъ темы, замѣчу мимоходомъ, что плоха та философія, которая, всего за нѣсколько лѣтъ до событій, не даетъ возможности предвидѣть, освѣтить и учесть—не мелочи, не тактическія детали, а самую *сущность*, самую *глубь*, самый *нервъ* этихъ событій... Плоха та философія, которая заставляетъ своихъ послѣдователей поклониться въ 1917 году всему тому, что сжигалось ими въ 1913-мъ.

Нѣтъ! Какъ бы ни оправдывали большевики своего отказа отъ недавнихъ положеній и своего перехода на новыя позиціи,—никакая софистика не сотретъ болѣе со страницъ исторіи русской революціи того знаменательнаго факта, что, передъ лицомъ этой революціи, соціалъ-демократы лѣваго крыла стали, въ цѣломъ рядѣ существеннѣйшихъ пунктовъ, на точку зрѣнія, давно выдвигаемую и защищаемую *анархистами*.

* * *

Итакъ, въ обывательской легендѣ о близости большевизма къ анархизму оказывается на-лицо изрядная доза истины.

Насколько, однако, *серьезна* эта доза? Каково ея *подлинное* значеніе? Великъ ли ея удѣльный вѣсъ по отношенію къ *разницѣ* между тѣмъ и другимъ теченіемъ? И, наконецъ, каковы же *черты различія*? Какова та грань, которая, все же, рѣзко отдѣляетъ одно теченіе отъ другого?

Объ этомъ—въ слѣдующій разъ.

Волинъ.

Союзъ Анархо-Синдикалистской Пропаганды Выборгскаго Района открываетъ съ 8-го Октября, въ д. № 52 по Большому Сампсоньевскому проспекту (Выборгская сторона), Рабочій Клубъ и книжный складъ.

Книжный складъ открытъ съ 10 ч. утра. Клубъ—съ 7 ч. вечера.

Организація рабочих[ъ]

(Продолженіе).

II.

Профессіональные союзы.

5) Союзы, патріотизмъ и милитари[змъ].

Третья Всероссійская Конференція Проф[ес]сіональныхъ союзовъ стала на путь ... народной классовой борьбы. Стала, ... пошла по этому пути, въ чемъ можно у[бѣ]диться хотя бы изъ того, что организованный конференціей Центральный Всероссійскій Совѣтъ Профессіональныхъ союз[овъ] отказался принять участіе въ Бер[нской] конференціи, назначенной на 1 окт[ября] 1917 года.

Я не думаю, чтобы Центральный Со[вѣтъ] имѣлъ для этого отказа достаточно уважи[тель]ные и вѣскіе мотивы.

Въ фактѣ отказа принять участіе [въ] Конференціи профессіональныхъ союз[овъ] всѣхъ странъ можно усмотрѣть лишь ... нежеланіе господъ соціалъ-патріотовъ, ... нившихъ профессіональное движеніе, ... ступать активно въ дѣлѣ международ[наго] объединенія пролетаріата до ликвид[аціи] войны.

Не надо закрывать глаза; слѣдуетъ ска[зать] правду: во главѣ профессіональнаго дв[иженія] нынѣ стоятъ такъ-называемые «о[бо]ронцы».

Оборончество—болѣзнь нашей револю[ціи], это—язва, разъѣдающая и губящая ея ... лодое тѣло. Этой же болѣзнью страдаетъ профессіональное движеніе.

Совмѣстимъ ли патріотизмъ съ соці[ализ]момъ?

Да,—говорятъ намъ соціалъ-реакціо[не]ры,—вполнѣ совмѣстимъ.

Мы же полагаемъ, что „отечество" имѣетъ только тѣ, кто имѣетъ богатство, кто имѣетъ собственность, но не тѣ, кто ничего не имѣетъ. Поэтому-то мы и говоримъ, что для насъ нѣтъ ничего смѣшнѣе, глупѣе, отвратительнѣе, какъ патріотъ-голякъ, рабочій, неимущій.

„Соціалисты", кричащіе вслѣдъ за буржуазіей: „Отечество, отечество!", прежде всего забыли, что если „много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось", и „много въ немъ отозвалось", то никакъ ужъ не пролетарскаго сердца!

Пролетарій—гражданинъ міра, а не какой-либо одной страны.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое отечество? ... такое патріотизмъ?

Отечество,—говорятъ,—страна, гдѣ мы родились, живемъ, участвуемъ въ общественной жизни и, наконецъ, умираемъ. Для нѣмца, отечество—Германія, для француза—Франція, для русскаго—широкая, богатая и обильная матушка Русь...

—Да, *велика и обильна матушка Русь!* ...го богатствъ имѣетъ она подъ землею и на землѣ, въ водахъ и лѣсахъ, много, много...

Но, какая польза отъ этого крестьянину и рабочему?

Смотрите: вотъ деревня Нѣловка (а такихъ деревень многое множество раскинуто по Руси). Земли имѣетъ достаточно ... для пастьбы коровы на привязи; а кругомъ деревню сжимаютъ желѣзнымъ кольцомъ [зем]ли, захваченныя когда-то разбойниками ... малыми князьями да дворянами, или ... цами да міроѣдами-кулаками.

Крестины.

ОКТАВА МИРБО.*)

(Переводъ съ французскаго).

Ребенокъ родился очень слабымъ, и мать захотѣла окрестить его раньше, чѣмъ сама получитъ отъ священника очистительную послѣродовую молитву. А между тѣмъ она такъ надѣялась, что сама будетъ присутствовать при крещеніи, сама проводитъ въ церковь свою разряженную въ бѣлыя ленты дочь! Но маленькое, слабенькое существо чуть дышало, и неизвѣстно, что могло приключиться съ нимъ каждую минуту. А если умираютъ такія малютки, то надо, чтобы душа ихъ пошла прямо въ рай, къ ангеламъ. Ея дочь тоже могла внезапно умереть. Она и родилась со сморщенной кожей, какъ у старыхъ людей, и съ синеватымъ цвѣтомъ лица. Она не хотѣла брать груди, а все морщилась и кричала. Надо было поступить благоразумно. По сосѣдству нашли крестнаго отца и крестную мать, и вотъ послѣ полудня отправились въ приходскую церковь святой Анны Орейской. Одинъ изъ священниковъ этой церкви еще утромъ былъ извѣщенъ, что предстоитъ крестины.

Надо сказать правду: бѣдные крестины бываютъ такъ же мрачны, какъ похороны какого-нибудь бродяги. Услужливая старушка сосѣдка несла ребенка, завернутаго въ пеленки. Онъ всю дорогу кричалъ подъ своей кисеей, надѣтой ради такого торжества. Крестный отецъ, въ синей курткѣ, обшитой бархатомъ, и крестная мать, въ нарядномъ чепчикѣ, шли позади старушки; слѣдомъ за ними шелъ отецъ, облеченный въ старомодный, узкій и залоснившійся сюртукъ. Кромѣ этихъ четырехъ человѣкъ, не было ни родственниковъ, ни друзей, ни яркихъ лентъ, ни музыки, ни веселой процессіи. Погода была пасмурная. Отпечатокъ какой-то невыразимой тоски лежалъ на красноватыхъ маленькихъ кустарникахъ.

Когда они пришли въ церковь, священника еще не было тамъ. Надо было дожидаться. Крестный отецъ и крестная мать опустились на колѣни передъ изображеніемъ святой Анны и забормотали молитвы; старушка укачивала стонавшаго ребенка, перемѣшивая свои молитвы съ колыбельными припѣвами; отецъ разглядывалъ колонны, своды, весь этотъ мраморъ, все это золото, которое, какъ-бы по мановенію волшебницы, поднималось здѣсь надъ непроходимой нищетой обездоленной страны. Женщины, простершись передъ свѣчами и почти прильнувъ лицомъ къ разноцвѣтнымъ плитамъ, молились. Ихъ бормотаніе, похожее на отдаленные перепелиные звуки на лугу по вечерамъ, и щелканіе перебираемыхъ четокъ разносилось, точно пересыпаемое зерно, среди молчанія мрачной и пышной церкви.

Наконецъ, запоздавъ на цѣлый часъ, пришелъ священникъ,—весь красный, нетерпѣливо завязывая шнурки своего стихаря... Онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, какъ человѣкъ внезапно оторванный отъ обѣда. Бросивъ презрительный взглядъ на скромную пару, которая не обѣщала богатаго дохода, священникъ рѣзко обратился къ отцу:

— Какъ тебя зовутъ?

— Луи Моренъ...

— Луи Моренъ?.. Моренъ... здѣсь нѣтъ такой фамиліи... Луи Моренъ... ты не здѣшній?

— Нѣтъ, батюшка.

— Что ты—христіанинъ?

— Да, батюшка.

— Христіанинъ... христіанинъ... и твоя фамилія Моренъ?.. И ты не здѣшній!.. Гмъ, гмъ! Ну, ладно... Откуда ты?

— Я изъ Анжу...

— Впрочемъ, это твое дѣло... Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я состою сторожемъ въ имѣніи господина Любека, вотъ уже два мѣсяца...

Священникъ пожалъ плечами и проворчалъ:

— Господинъ Любекъ лучше бы сдѣлалъ, если бы нанималъ сторожей для имѣнія изъ своихъ людей... а не развращалъ мѣстность иностранцами... людьми, о которыхъ не знаютъ, откуда они пришли... вотъ, напримѣръ, я не знаю тебя!.. А также и твою жену... Что ты—женатъ?

— Конечно, женатъ, батюшка. Я вамъ уже передалъ черезъ посланнаго свои бумаги для совершенія крещенія.

— Женатъ... женатъ... легко сказать... Твои бумаги? это легко сдѣлать. Словомъ, поглядимъ... Почему тебя никогда не бываетъ видно въ церкви? Ты никогда не приходишь въ церковь, а также и твоя жена и никто изъ твоихъ домашнихъ?..

— Съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, моя жена все больна; она не вставала съ постели, батюшка... И кромѣ того, много работы въ домѣ...

— Ты нечестивецъ, вотъ и все... безбожникъ, разбойникъ... И жена твоя — тоже самое. Если бы ты поставилъ нашей защитницѣ, святой Аннѣ, дюжину свѣчей, то твоя жена не болѣла бы. Это ты ходишь за коровами у Любека?

— Да, батюшка, съ вашего позволенія.

— И за садомъ тоже?

— Да, батюшка.

— Хорошо... тебя зовутъ Моренъ... Словомъ, твое дѣло...

Затѣмъ, внезапно обратившись къ старушкѣ, онъ велѣлъ ей снять съ ребенка чепчикъ и нагрудникъ.

— Мальчикъ или дѣвочка? Какого пола ребенокъ?

— Дѣвочка, дорогая крошка,—скрипуче прошамкала старуха,—милое божье дитя.

Ея неискусные пальцы никакъ не могли развязать ленты у чепчика.

— А почему она такъ кричитъ?.. Она больна?.. Впрочемъ,—ея дѣло... Ну, поворачивайся...

Чепчикъ былъ, наконецъ, снятъ, показалась головка ребенка со сморщеннымъ безволосымъ черепомъ. Съ обѣихъ сторонъ лба, около висковъ, виднѣлись синеватыя пятна.

Священникъ, увидавъ эти два пятна, вскричалъ:

— Но эта дѣвочка появилась на свѣтъ неестественнымъ образомъ?

Отецъ разсказалъ, какъ было.

— Нѣтъ, батюшка... Мать чуть было не умерла. Ребенка вынули щипцами... Докторъ говорилъ, что придется вынимать ребенка по частямъ... Въ продолженіе двухъ дней мы очень безпокоились.

— Ну, по крайней мѣрѣ прочитали-ли надъ ней, когда она родилась, крестильную молитву?

— Совершенно вѣрно, батюшка. Очень боялись, что она не выживетъ.

— А кто читалъ молитву? Акушерка?..

— О, нѣтъ, батюшка... Докторъ Дюрандъ.

При этомъ имени попъ вспылилъ:

— Докторъ Дюрандъ?! Да развѣ ты не знаешь, что докторъ Дюрандъ—безбожникъ, разбойникъ... что онъ пьянствуетъ и живетъ въ связи со своей служанкой... И ты воображаешь, что докторъ окрестилъ твою дочь? Болванъ ты этакій! Знаешь-ли ты, что сдѣлалъ онъ,—этотъ разбойникъ, это чудовище,—съ твоей дочерью, знаешь ли ты!.. Онъ впустилъ бѣса въ твою дочь... Теперь въ твоей дочери сидитъ нечистый... Отъ этого она такъ и кричитъ... Я не хочу ее крестить...

Священникъ перекрестился и забормоталъ какія-то латинскія слова такимъ гнѣвнымъ голосомъ, что слова эти походили скорѣе на брань, чѣмъ на молитву.

Отецъ стоялъ молча, ошеломленный, съ широко открытымъ ртомъ.

— Ну, что ты смотришь на меня съ такимъ глупымъ видомъ?...—ворчалъ священникъ:—Я сказалъ тебѣ, что не могу окрестить твою дочь... Понялъ? Отнеси ее туда, откуда она пришла... Дѣвочка, въ которой живетъ нечистый... Это тебѣ наука, зови въ другой разъ доктора Морреку... Можешь идти къ своимъ коровамъ... Моренъ, Дюрандъ, преисподняя и компанія...

Луи Моренъ сосредоточенно мялъ въ своихъ рукахъ шапку, смущенно повторяя:

— Это невозможно... невозможно... Что-же дѣлать? Боже мой, что дѣлать?

Священникъ подумалъ немного и затѣмъ болѣе спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Слушай-ка... средство, можетъ-быть, есть... Я не могу окрестить твою дочь, пока въ ней будетъ пребывать нечистый... Но я могу, если ты хочешь, выгнать бѣса. Только это стоитъ 10 франковъ...

— Десять франковъ?...—воскликнулъ съ ужасомъ Луи Моренъ.—Десять франковъ! Это страшно дорого... страшно дорого...

— Ну, хорошо, скинемъ 5 франковъ на твою бѣдность... Сейчасъ ты мнѣ дашь 5 франковъ... Послѣ уборки принесешь мнѣ четверикъ картофелю, а въ сентябрѣ ... товъ масла... Согласенъ на это?..

Моренъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ смущенно чесалъ голову, а затѣмъ сказалъ:

— И кромѣ того вы ее окрестите?

— И сверхъ того я ее окрещу... Ну что-ли?

— Больно много расходовъ...—бормоталъ Моренъ,—много расходовъ...

— Согласенъ-ли ты, наконецъ?

— Да... Только все-таки больно много расходовъ...

Тогда священникъ провелъ рукой по головѣ ребенка, похлопалъ его по ...тику, пробормоталъ какія-то латинскія слова и продѣлалъ въ воздухѣ какія-то странные жесты.

— Ну,—сказалъ священникъ,—бѣсъ изгнанъ, теперь можно дѣвочку окрестить.

Затѣмъ снова, произнося латинскія слова, онъ окропилъ водой ея лобъ, положилъ зернышко соли въ ротикъ, перекрестилъ и весело сказалъ:

— Ну, теперь она христіанка и может умереть.

Объятые предчувствіемъ какихъ-то неясныхъ страховъ, они возвращались домой молчаливые, съ низко опущенными головами. Старушка шла впереди съ ребенкомъ, который все продолжалъ кричать. Крестный отецъ и крестная мать шли молча. Отецъ плелся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ.

Наступалъ туманный вечеръ, полный неясныхъ очертаній. Только съ высоты башни, словно призракъ, виднѣлась статуя св. Анны, покровительницы Бретонцевъ, таинственно и какъ бы насмѣхаясь глядя въ этомъ сумракѣ.

---

*) *Октавъ Мирбо*, недавно умершій, считается однимъ изъ лучшихъ французскихъ писателей послѣдняго времени. Разсказъ «Крестины»—яркая бытовая картинка изъ жизни темнаго и забитаго крестьянскаго населенія такъ-называемой Бретани (мѣстность на сѣверѣ Франціи).

И вотъ, на этомъ маленькомъ клочкѣ-островѣ, крестьянинъ весь свой вѣкъ принужденъ вертѣться, словно бѣлка въ колесѣ, изворачиватся и кормить свою семью.

Но только-ли семью?

Да, семью, но не одну: кромѣ *своей* семьи, его заставляютъ, силой, кормить и другую теплую семейку — попа, правителя, купца, фабриканта и прочую паразитствующую „братію".

Русская пословица говоритъ: „Съ міру по ниткѣ,—голому рубашка". И тянутъ съ крестьянина нитки, и шьютъ себѣ хорошія рубашки: попъ—изъ платы за требы, правитель—изъ налоговъ, купецъ-скупщикъ—изъ низкихъ цѣнъ на зерно, фабрикантъ—изъ высокихъ цѣнъ на товары своей фабрики.

Фабрики... чьими руками они строились? кто въ нихъ работаетъ? кто выдѣлываетъ полезные для всѣхъ предметы?

Рабочій.

Кто ими пользуется?

Фабрикантъ.

Рабочій же мѣсяцами бродитъ около фабрикъ, какъ голодная собака, ища работы; и, не находя ея, попадаетъ... въ тюрьму.

И такъ, одни пухнутъ отъ обжорства, другіе отъ голода.

Одни поютъ:

„Солнце всходитъ и заходитъ,
А въ шантанѣ-то свѣтло"...

Другіе:

„Солнце всходитъ и заходитъ,
А въ тюрьмѣ моей темно"...

Куда бы вы ни заглянули: во Францію ли, Германію, Англію или Америку,—вездѣ вы увидите грабежъ, насиліе и обманъ. вездѣ—бѣднота и горе, горе и бѣдность; нигдѣ счастья, нигдѣ радости, нигдѣ веселья среди трудового народа.

Скажите же, господа патріоты и вы, рабочіе, ввѣрившіе свою судьбу въ ихъ руки, не это-ли есть отечество?

Казалось бы, разъ мы имѣемъ отечество, то мы имѣемъ что любить, чему радоваться и веселиться, имѣемъ насущный хлѣбъ, хорошее жилище...

Казалось бы... А на самомъ дѣлѣ, какъ вы и сами видите, все это имѣютъ капиталисты и слуги ихъ; а мы, голь-перекатная, вмѣсто хоромъ да палатъ каменныхъ, имѣемъ иные хоромы: два кола вбито, да небомъ покрыто—вотъ и палаты наши: тепло, свѣтло, уютно и вѣтеръ не дуетъ.

Какъ видите, у насъ, трудящихся, *отечества пока нѣтъ: его надо еще отвоевать у его Величества, мірового Царя, Капитала-кровопійцы.*

Вы же, господа соціалъ-реакціонеры, все еще продолжаете, безъ зазрѣнія совѣсти, дурачить рабочихъ и крестьянъ, вѣрящихъ пока вамъ на-слово. И вы дѣлаете это, въ большинствѣ случаевъ, сознательно, прекрасно зная, что *у бѣдняковъ нѣтъ отечества.*

Вы заслуживаете проклятіе и презрѣніе наши!

Развѣ можно, не будучи подлецомъ или послѣднимъ глупцомъ, увѣрять, что самый лучшій день въ жизни рабочаго или крестьянина—тотъ, въ который „онъ будетъ имѣть удовольствіе позволить задушить себя ради родины"!

Итакъ, у *бѣдняковъ нѣтъ отечества.*

А когда будетъ, то будетъ имъ во всякомъ случаѣ не Россія, Англія или Франція, а весь земной шаръ.

Это сознаютъ всѣ передовые рабочіе. *И понятіе о врагѣ внѣшнемъ не вмѣщается въ ихъ умахъ.* Они говорятъ: *есть одинъ врагъ—Капиталъ.*

Но такихъ сознательныхъ рабочихъ, къ сожалѣнію, еще мало; большинство же принимаетъ буржуазную ложь о „внѣшнихъ врагахъ" за истину.

Разоблаченіе этой лжи—почетное дѣло, которымъ должны заниматься профессіональныя рабочія организаціи.

Къ сожалѣнію, мы видимъ, что рабочія организаціи этимъ дѣломъ не занимаются.

* * *

Патріотизмъ,—любовь къ отечеству, котораго мы еще не имѣемъ,—требуетъ существованія постоянной арміи *„для защиты отечества"*, т. е. богатствъ, принадлежащихъ немногимъ.

Армія же несетъ съ собой разореніе и безъ того разоренныхъ крестьянъ и рабочихъ и обогащаетъ и безъ того богатыхъ тунеядцевъ.

Въ самые лучшіе годы армія отрываетъ молодыхъ людей отъ родительскаго дома и производительнаго, безусловно для всѣхъ нужнаго труда, ввергаетъ ихъ на три долгихъ, мучительныхъ года въ казарму, гдѣ ихъ развращаютъ, выколачиваютъ изъ нихъ все человѣческое и превращаютъ ихъ въ машины.

Разъ есть армія,—надо ее вооружить, а на это нужны деньги и деньги. Откуда же ихъ взять? Съ бѣдняковъ.

Только-что армія вооружилась, глядишь,—а сосѣдъ-то придумалъ новую пушку, которая стрѣляетъ на болѣе далекое разстояніе, чѣмъ наши.

Бросаются старыя пушки; заказываются новыя: доходъ фабриканту, убытокъ бѣдняку.

Только-что вторично перевооружили армію, глядишь... и такъ безъ конца.

Что же армія защищаетъ?

Отечество.

Но вотъ, поднялись крестьянскія волненія, крестьяне отбираютъ землю отъ помѣщиковъ, а солдаты, армія ихъ за это разстрѣливаетъ.

Это что они дѣлаютъ—защищаютъ отечество!

Забастовали желѣзнодорожники. Керенскій грозитъ подавить забастовку военной силой. Это что, тоже защита отечества?

Забастовали фабрики. Забастовщиковъ замѣняютъ солдаты (это часто бываетъ).

Скажите, это тоже защита отечества?

Въ настоящій моментъ происходитъ самая отвратительная, самая ужасная, гнусная бойня, именуемая войной,—происходитъ только потому, что Милюковымъ нужны Дарданеллы и Константинополь, Вильгельму и его капиталистамъ—азіатскій рынокъ, австрійскимъ разбойникамъ—Балканы, англійскимъ разбойникамъ мозолятъ глаза разбойники нѣмецкіе (англичане хотятъ властвовать на міровомъ рынкѣ безраздѣльно), французскимъ — подай Эльзасъ - Лотарингію...

Скажите, развѣ здѣсь, въ этой бойнѣ, бѣдняки защищаютъ свое отечество?

Развѣ мы, голь-перекатная, не имѣемъ здѣсь, просто, въ чужомъ пиру похмѣлье?

Развѣ эта бойня не панская драка, и развѣ наши чубы не болятъ отъ нея?

Скажите же, для чего должны мы держать армію?

Защищать границы отечества?

Но развѣ мы его имѣемъ?!

А когда будемъ имѣть его, то развѣ оно будетъ имѣть границы?

Такъ, *долой же армію, долой войну и милитаризмъ!*

Этотъ девизъ долженъ быть заложенъ въ основу *всякой рабочей и крестьянской организаціи.*

Всѣ такія организаціи должны, вѣдь, стремиться къ достиженію дѣйствительнаго братства, равенства, любви и свободы... А все это возможно лишь въ томъ случаѣ, если мы добьемся дѣйствительно соціалистическаго, то-есть анархическаго общества.

По пути къ этому разумному и естественному устройству, мы должны: уничтожить всякую рознь между народами; отнять у власти всякую силу и право войны и мира; уничтожить тайную дипломатію, всякіе парламенты и тому подобныя, вредныя для мира учрежденія, всякую патріотическую пропаганду и армію; создавать организацію международнаго товарищества и братства, въ видѣ свободной федераціи трудовыхъ союзовъ.

Всего этого мы можемъ добиться *только революціей, совершаемой рабочими организаціями, при помощи Всеобщей Стачки.*

По пути къ этой революціи, девизъ рабочихъ организацій,—*въ томъ числѣ и профессіональныхъ союзовъ,*—долженъ быть: долой патріотизмъ! долой милитаризмъ!

Гр. Максимовъ.

Всеобщая стачка, какъ путь къ соціальной революціи.

Развитіе стачечнаго движенія почти тождественно съ развитіемъ движенія рабочаго. Революціонная энергія, проявляемая пролетаріатомъ разныхъ странъ въ ихъ стачкахъ, такъ велика, что, если бы она сконцентрировалась, если бы отдѣльныя стачечныя вспышки слились въ единый взрывъ стачки международной, то темныя силы международной буржуазіи не могли бы устоять; но, чтобы буржуазный „порядокъ" насилія человѣка надъ человѣкомъ смѣнился пролетарскимъ порядкомъ свободной взаимопомощи, необходима не только энергія разрушающая, дезорганизующая, но и энергія организующая, энергія созидающая. Пролетаріатъ уже теперь въ состояніи пріостановить всю промышленную жизнь, но онъ еще не уяснилъ себѣ, не созналъ, какъ воспользоваться этой пріостановкой, чтобы положить начало жизни новой. У его представителей и вожаковъ нѣтъ плана, нѣтъ программы положительной дѣятельности для момента дезорганизаціи буржуазнаго порядка; они не идутъ дальше ожиданія *уступокъ* со стороны буржуазіи; они какъ бы надѣются, что побѣжденная буржуазія сама создастъ для нихъ новую жизнь.

Пока пролетаріатъ можетъ лишь дезорганизовать буржуазную власть и предъявлять къ ней требованія, а не рѣшается взять въ свои руки и по своему организовать все производство, до тѣхъ поръ его революціонное сознаніе не достигло побѣдоносной высоты. Исторія рабочаго движенія въ большинствѣ странъ показываетъ намъ, что во время всеобщихъ стачекъ пролетаріатъ развивалъ огромную революціонную энергію, которая разбивалась и падала не столько подъ ударами буржуазнаго государства, сколько отъ отсутствія положительной, творческой задачи, на разрѣшеніе которой она могла бы быть направлена.

Дабы развившаяся во время всеобщей стачки революціонная энергія могла быть направлена на созданіе условій для новой жизни, необходима *предварительная организація* наиболѣе сознательныхъ пролетаріевъ, необходима продуманная соціалистическая программа практическихъ мѣръ, необходимъ ясный планъ дѣйствій.

Далеко не такъ важна предварительная организація для возникновенія и развитія самой всеобщей стачки. Самыя могучія, самыя грандіозныя всеобщія стачки возникали и протекали стихійно и совершенно «неожиданно» для организованныхъ революціонеровъ, считавшихъ себя представителями пролетаріата. Даже профессіональные союзы рабочихъ, при всеобщихъ стачкахъ-возстаніяхъ, играютъ сравнительно второстепенную роль, что доказываетъ, хотя-бы, примѣръ Россіи, пережившей, при почти полномъ отсутствіи профессіональныхъ союзовъ, рядъ поистинѣ великихъ стачекъ.

«Подготовленныя» и назначенныя на опредѣленный день всеобщія забастовки рѣдко удаются; это объясняется тѣмъ, что время наивысшаго напряженія революціоннаго настроенія не можетъ быть разсчитано заранѣе и обыкновенно наступаетъ раньше, чѣмъ думаютъ руководители: считая *себя не готовыми*, они задерживаютъ и ослабляютъ стачку; между тѣмъ, правительство и вся буржуазія, отъ которыхъ не удается скрыть назначенное время забастовки, дѣйствительно приготовляются, и силы ихъ тогда гораздо труднѣе дезорганизовать.

Для всеобщности стачки нѣтъ необходимости въ предварительномъ уговорѣ. Разъ въ рабочей средѣ накопилось,—вслѣдствіе явленій, сопровождающихъ промышленный кризисъ,—достаточно массового негодованія и вообще революціонной энергіи, то стоитъ забастовать небольшой группѣ, естественно состоящей изъ наиболѣе развитыхъ и революціонно настроенныхъ рабочихъ, чтобы стачка стала захватывать сосѣдніе заводы и фабрики съ быстротою пламени.

Отряды забастовщиковъ переходятъ отъ фабрики къ фабрикѣ, отъ завода къ заводу, и «закрываютъ» ихъ.

Характерную картину этихъ «походовъ» и «закрытій» можно видѣть въ Англіи, въ Америкѣ, во Франціи, въ Россіи и т. д. Повсюду стачечники дѣйствуютъ совершенно одинаково, хотя о какой-нибудь традиціи или примѣрѣ не можетъ быть и рѣчи. Бакинскіе рабочіе, разумѣется, не знали, какъ, во время всеобщихъ забастовокъ, дѣйствовали рабочіе англійскіе, французскіе и т. п. Очевидно, одинаковая тактика вытекаетъ изъ одинаковыхъ условій и изъ одинаковой психологіи борющагося пролетаріата въ различныхъ странахъ.

Причины всеобщихъ стачекъ глубоки и значительны, но *поводы обыкновенно* очень незначительны; вмѣстѣ съ развитіемъ стачки, съ ея подъемомъ, поводы отступаютъ на задній планъ, и выдвигаются причины; стачка пріобрѣтаетъ *соціальный* характеръ въ революціонномъ значеніи этого слова; она становится одновременно и *политической*, и *экономической*; она направляется противъ всей неправды современнаго соціальнаго строя. Неизбѣжное вмѣшательство государства, въ лицѣ всѣхъ его «властей», придаетъ всякой *всеобщей стачкѣ*, возникшей на экономической почвѣ, политическій характеръ; съ другой стороны, стачка, возникающая для политической цѣли, не можетъ потерять своего экономическаго характера, такъ какъ, чтобы быть дѣйствительной, она должна нанести экономическій ударъ интересамъ буржуазіи. Вообще, всеобщая стачка, какъ проявленіе классовой борьбы, не можетъ быть только экономической или только политической. Въ своемъ развитіи она неизбѣжно ведетъ къ *соціальной революціи*. Это прекрасно понимаетъ и учитываетъ буржуазія, даже самая редикальная. Бельгійскіе либералы, въ 1902 г., шли рука объ руку съ соціалистами въ борьбѣ за всеобщее избирательное право, пока дѣло ограничивалось парламентской борьбой, митингами и демонстраціями; но какъ только пролетаріатъ прибѣгъ къ всеобщей стачкѣ,—союзъ сразу распался и либералы приготовились защищать „порядокъ".

Они сразу поняли, что всеобщая стачка переростаетъ поставленную вожаками политическую цѣль, что она грозитъ соціальной революціей. Испугались не только либералы, но и нѣкоторые «соціалисты», которые, будучи сторонниками *незамѣтной* соціальной *эволюціи*, всѣ свои силы напрягаютъ на «спасеніе» пролетаріата отъ соціальной революціи. Всеобщая стачка дезорганизуетъ весь буржуазный строй; она бьетъ всѣ силы буржуазіи, отъ рантье, мирно рѣжущихъ купоны, до дѣятельныхъ предпринимателей, она бьетъ, наконецъ, и политическаго представителя буржуазіи—правительство.

Нарушеніе обычныхъ способовъ передвиженія и сообщенія останавливаетъ ходъ государственной жизни, а между тѣмъ, исторія всеобщихъ стачекъ показываетъ, что забастовки чаще всего начинаются именно рабочими и служащими по транспорту, желѣзнодорожными, портовыми и т. д. Кромѣ того, во многихъ стачкахъ правительство является самымъ крупнымъ предпринимателемъ, и остановка производства вредитъ его финансамъ.

Революціонное настроеніе во время всеобщихъ забастовокъ такъ заразительно, что оно иногда захватываетъ войско, ослабляя его дисциплину и заставляя правительство быть крайне осторожнымъ въ «военныхъ дѣйствіяхъ» противъ стачечниковъ. При всякой крупной всеобщей стачкѣ являются «зловѣщіе» для буржуазіи признаки ослабленія, нерѣшительности, замѣшательства правительственной власти.

Нанося удары буржуазіи, нанося удары ея правительству, расшатывая буржуазный строй, всеобщія стачки тѣмъ самымъ разрушаютъ государство.

Въ борьбѣ съ государствомъ, которое мы понимаемъ какъ организованное насиліе класса имущихъ надъ классомъ неимущихъ, нѣтъ болѣе сильнаго орудія, какъ всеобщая стачка, и она тѣмъ опаснѣе для государства, чѣмъ болѣе оно вмѣшивается въ національное промышленное производство и обращеніе, чѣмъ большую долю того и другого оно захватываетъ въ свои руки.

Рабочія массы, въ началѣ всеобщихъ забастовокъ, переживаютъ обыкновенно высокій нравственный подъемъ. Ихъ охватываетъ чувство товарищеской солидарности («всѣ за каждаго, каждый за всѣхъ»), чувство свободы, самостоятельности...

Настроеніе у нихъ радостное, торжественное. Но это пролетарское настроеніе быстро разрушается злобой и жестокостью буржуазіи и ея наемниковъ... Раздаются ружейные залпы, льется пролетарская кровь. Настроеніе стачечниковъ измѣняется. Ихъ охватываетъ порывъ негодующаго возмущенія, жажда разрушенія. И въ этотъ порывъ уходитъ масса энергіи, которая, при существованіи крѣпкой организаціи сознательныхъ пролетаріевъ, готовыхъ не только къ пораженію, но и къ побѣдѣ, могла бы быть направлена на закладку первыхъ устоевъ новаго строя.

Но и въ моменты возмущенія стачечники разрушаютъ лишь «собственность» и щадятъ людей; въ ихъ крови закипаетъ жажда разрушенія, но не жажда человѣческой крови. И собственность они обыкновенно не присваиваютъ, а разрушаютъ. Впрочемъ, не только въ моменты погромовъ, но и во время мирныхъ періодовъ всеобщей стачки, стачечники обыкновенно считаютъ себя въ правѣ, чтобы лавочники безвозмездно дѣлились съ ними жизненными припасами. Это «нарушеніе права частной собственности», этотъ «дневной грабежъ» можетъ, конечно, сильно возмущать екатеринославскихъ или даже женевскихъ базарныхъ торговцевъ, но пролетаріи понимаютъ, что это—одно изъ существенныхъ условій успѣшности «всеобщихъ стачекъ», которыя ведутся *во имя подчиненія права собственности праву на жизнь.*

Вообще, къ *дѣйствительнымъ*, а не воображаемымъ *всеобщимъ стачкамъ*,—къ всеобщимъ стачкамъ, которыми борется и которыми побѣдитъ пролетаріатъ,—совсѣмъ не подходятъ извѣстныя слова Вандервельда: «Рабочіе скрестили руки, чтобы добиться справедливости». Просто «скрестивъ руки», никакой «справедливости» не добиться, и рабочіе, устраивая всеобщія забастовки, никогда не скрещиваютъ руки, а дѣйствуютъ очень энергично и активно: «закрываютъ» фабрики и заводы, которые не забастовали сами; отвинчиваютъ въ машинахъ винты и пр.; останавливаютъ поѣзда, заграждая путь, перерѣзываютъ телеграфныя проволоки, устраиваютъ демонстраціи, народныя собранія и т. д. И больше всего именно отъ активности, проявляемой самими забастовщиками, зависитъ успѣхъ всеобщей стачки.

В. Поссе.

Интересный документъ.

Въ 9-омъ номерѣ „Вегетаріанскаго Вѣстника", за іюль мѣсяцъ с. г., помѣщенъ весьма значительный и интересный документъ, озаглавленный *„Наше открытое слово къ людямъ-братьямъ всего міра"*. Это—почти первое, насколько намъ извѣстно, выступленіе христіанъ въ подлинномъ и истинномъ христіанскомъ духѣ. Несмотря на наше глубокое расхожденіе съ авторами документа какъ по вопросу о „богѣ", такъ и по вопросу о путяхъ къ грядущему миру и братству народовъ, мы не можемъ не привѣтствовать открытое и смѣлое выступленіе христіанъ по поводу жестокой и противоестественной войны, длящейся уже четвертый годъ. Авторы нижеслѣдующаго документа доказываютъ всему міру, что ничто и никто не страшенъ имъ, и что они всегда готовы отстоять свои идеи и принципы. Вотъ этотъ документъ:

Наше открытое слово къ людямъ-братьямъ всего міра.

I.

Въ то время, когда всюду раздается чуть не сплошной гулъ голосовъ за вооруженную оборону, или за войну до побѣдоноснаго конца, что по существу одно и то же, и когда въ душѣ своей почти всѣ безъ исключенія чувствуютъ отвращеніе къ кровавой бойнѣ, искренно желая только мира, мы, нижеподписавшіеся, рѣшаемся провозгласить великое братство всѣхъ людей и народовъ,—не какъ мечту, или даже цѣль, а какъ *фактъ*, глубоко коренящійся въ природѣ человѣческой,—какъ *основу*, внѣ которой нѣтъ жизни и нарушеніе которой ничѣмъ не можетъ быть оправдываемо.

Глубоко убѣжденные въ томъ, что *прочный миръ*, котораго жадно ждетъ теперь все человѣчество, можетъ быть достигнутъ не какими-либо дипламатическими мѣрами и не побѣдой одного народа надъ другимъ, а лишь только на основѣ *братскаго единенія людей*, мы испытываемъ необходимость обратиться къ искренности и непосредственности людей, чтобы сказать имъ только одно:—пусть будутъ прокляты всѣ заслоняющіе правду обманы, начиная съ самаго древняго обмана Первосвященника Каіафы, утвердившаго смертный приговоръ надъ І. Х. по государственнымъ соображеніямъ, и кончая патріотическими ухищреніями современныхъ дипломатовъ, требующихъ все тѣхъ же человѣческихъ жертвъ ради служенія все тому же идолу государственности!...

Любя свою родину столько же, сколько и другія страны, и считая своимъ *отечествомъ весь міръ*, мы увѣрены, что разбойное дѣло, называемое войной, наглой преступностью своею попирающее какъ Божескіе, такъ и человѣческіе законы, не только не приближаетъ насъ ко всеобщему миру, а отдаляетъ отъ него. И потому, мы ни при какихъ условіяхъ не можемъ принимать въ немъ какое-либо участіе, предоставляя это тѣмъ, кто дѣйствительно находится въ соотвѣтствующемъ воинственномъ настроеніи. Но мы не можемъ также и оставаться равнодушными зрителями страданій нашихъ братьевъ и отъ всей души желали бы хоть чѣмъ-нибудь помочь имъ.

Движимые самыми лучшими побужденіями, мы сознательно хотѣли бы, насколько это въ силахъ нашихъ, войти въ непосредственныя отношенія съ нашими «врагами», запросто отправившись къ нимъ и только затѣмъ, чтобы сказать имъ слово братской любви... Для осуществленія чего мы просимъ Бога укрѣпить насъ въ рѣшимости, не страшась смерти, до конца быть вѣрными самимъ себѣ и обращаемся за поддержкой *ко всѣмъ чуткимъ сердцамъ* и также къ правительству русскому съ горячей просьбой посодѣйствовать намъ въ преодолѣніи препятствій, могущихъ возникнуть на нашемъ пути.

II.

Настало время, когда море окружающихъ насъ и переживаемыхъ нами страданій не позволяетъ намъ дальше молчать, и мы, повинуясь требованіямъ своей совѣсти, считаемъ своимъ долгомъ возвысить свой голосъ, открыто заявивъ всѣмъ, кто только можетъ услышать насъ и посочувствовать намъ,—и не только среди нашихъ соотечественниковъ, но и среди нашихъ предполагаемыхъ враговъ: Довольно уже человѣконенавистничества; довольно преступнаго пролитія крови изъ-за идоловъ государственности и національизма, вѣчно раздѣляющихъ людей. Наше счастье, наше благо—во *всеобщемъ лишь братствѣ и любви*, которыхъ мы можемъ достигнуть не съ оружіемъ въ рукахъ—*не средствами, противорѣчащими этой высокой цѣли*, а только путемъ, указаннымъ лучшими учителями человѣчества. Какіе бы идеалы ни исповѣдывали мы, какую бы религію ни считали своею, мы прежде всего хотимъ *быть вѣрны самимъ себѣ*—голосу человѣчности въ каждомъ человѣкѣ; и если нѣкоторые изъ насъ позволяютъ себѣ называться христіанами, то пусть не на словахъ, а на дѣлѣ они окажутся послѣдователями Того, по мысли котораго «не то что *убійство*, а даже гнѣвъ на брата своего является величайшимъ преступленіемъ». Вотъ почему, какъ ради своего собственнаго, такъ и общаго спасенія отъ надвигающихся новыхъ, еще горшихъ бѣдствій, мы будемъ искать того настоящаго, единственно вѣрнаго выхода, при которомъ мы не только ничѣмъ не будемъ содѣйствовать братоубійству, участвуя въ такъ-называемой мобилизаціи тыла, но смѣло станемъ осуждать его какъ недостойное человѣка.

Пусть же знаютъ это наше отношеніе люди правительства и всѣ представители общественности разныхъ государствъ, самоувѣренно утверждающіе необходимость войны, якобы въ интересахъ народа, пусть знаютъ, что въ этомъ вопросѣ мы не за одно съ ними! И что если и есть на свѣтѣ хищники, жаждущіе войны изъ-за наживы, то большинство какъ русскихъ рабочихъ людей, такъ и нѣмцевъ и французовъ и другихъ, сильнѣе всего хотятъ теперь мирной, полной единенія жизни, которая одна только и можетъ обезпечить ихъ счастіе, ихъ истинный общественный прогрессъ.

Искренно сознавая *свою отвѣтственность* за совокупность причинъ, приводящихъ къ войнѣ, мы никого не обвиняемъ, а все свое вниманіе переносимъ на свою собственную жизнь, полную борьбы и насилія, на этого самаго дѣйствительнаго нашего врага, благодаря которому только и происходятъ теперь всѣ наши бѣды. Мы страшимся въ то же время оказаться виновниками того недоразумѣнія, при которомъ воюющіе народы склонны предполагать другъ въ другѣ взаимную ненависть, и спѣшимъ дружески протянуть свою руку всѣмъ тѣмъ, кого называютъ нашими врагами, въ твердой увѣренности, что имъ также не чуждо пониманіе того, что какъ благополучіе отдѣльной личности, такъ и благо цѣлыхъ народовъ не можетъ быть построено на несчастіи нашихъ ближнихъ.

Открыто выступая съ этимъ заявленіемъ, мы никому, однако, не навязываемъ своихъ убѣжденій, а хотимъ только того, чтобы стремленіе, свойственное нашему сердцу, было бы *проявлено и всѣми тѣми, кому дѣйствительно противна звѣриная*, унижающая человѣка и являющаяся прямымъ отрицаніемъ всякой культурности, борьба между людьми».

Подъ этимъ заявленіемъ имѣются подписи тридцати восьми человѣкъ группы христіанъ г. Полтавы. А за подписями имѣется слѣдующее примѣчаніе: „Одновременно печатается на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ для распространенія во вражескихъ, союзныхъ и нейтральныхъ странахъ".

Комментаріи къ этому документу излишни. Добавимъ только, что сама жизнь, въ концѣ концовъ,—надо надѣяться,—заставитъ этихъ благородныхъ людей найти истинный путь къ цѣли.

Г. Р.

Долгъ каждаго товарища подыскивать подписчиковъ для «Голоса Труда».

На очереди.

Разстройство транспорта и саботажъ со стороны капиталистовъ обусловливаютъ закрытіе заводовъ и фабрикъ, имѣющее своимъ слѣдствіемъ безработицу. Безработица уже началась. Заключеніе мира, который, надо полагать, теперь не за горами, и послѣдующая демобилизація арміи и промышленности грозятъ увеличить безработицу до небывалыхъ размѣровъ. Къ этому долженъ готовиться рабочій классъ и принимать мѣры, пока есть время.

Мы не можемъ разсчитывать, что къ той порѣ, когда безработица станетъ грознымъ соціальнымъ бѣдствіемъ, профессіональные союзы успѣютъ скопить достаточные капиталы, чтобы оказать существенную поддержку своимъ безработнымъ членамъ. Наше профессіональное движеніе слишкомъ молодо, а союзныя кассы слишкомъ для этого тощи. Да, наконецъ, подобная помощь не можетъ имѣть существеннаго значенія, такъ какъ процентъ проффессіонально-организованныхъ рабочихъ еще сравнительно невеликъ.

Не можемъ мы также разсчитывать и на помощь со стороны государства и городскихъ самоуправленій. Слишкомъ истощена казна трехлѣтней войной, чтобы давать десятки милліоновъ рублей на организацію общественныхъ работъ. Нужны иныя мѣры для борьбы съ безработицей.

Наиболѣе радикальной, при нынѣшнемъ хозяйствѣ, мѣрой противъ безработицы мы считаемъ установленіе такихъ условій производства, при которыхъ колебанію подлежало бы не количество занятыхъ рабочихъ, а *рабочее время*. Тогда всѣ или почти всѣ рабочіе будутъ заняты работой—съ той лишь разницей, что во время промышленнаго подъема они заняты въ теченіе всего установленнаго времени и получаютъ полную заработную плату, а во время промышленныхъ кризисовъ они будутъ заняты въ теченіе меньшаго количества часовъ, получая соотвѣтственно меньшую плату. Такъ, напримѣръ, если безработица охватитъ половину занятыхъ въ настоящее время рабочихъ, то, по проведеніи въ жизнь этой мѣры, придется каждому рабочему быть занятымъ только черезъ день или же работать по четыре часа въ день вмѣсто восьми. Сокращая свое рабочее время и свой заработокъ, онъ даетъ возможность другому рабочему не быть выброшеннымъ на улицу. Такимъ образомъ, бѣдствія, вызываемыя промышленными кризисами, были бы значительно ослаблены, равномѣрно распространяясь на весь рабочій классъ.

Такой методъ борьбы съ безработицей можетъ, на первый взглядъ, показаться неосуществимымъ, требующимъ отъ каждаго слишкомъ много героизма и самопожертвованія. Болѣе же вдумчивое отношеніе показываетъ, что ничего несбыточнаго тутъ нѣтъ. Конечно, проведеніе этой мѣры ухудшитъ положеніе каждаго отдѣльнаго рабочаго. Но, вѣдь, *безработица тоже всегда ухудшаетъ положеніе каждаго рабочаго*, такъ какъ безработные сбиваютъ цѣну. Слѣдовательно, пугаться пониженія заработка не приходится.

Въ то же время, въ началѣ безработицы никто изъ рабочихъ не знаетъ, кто именно лишится работы и, слѣдовательно, въ интересахъ самосохраненія, каждый предпочтетъ пониженіе заработка полному лишенію его. Давая согласіе на сокращеніе рабочихъ часовъ и платы, вмѣсто сокращенія числа работниковъ, каждый гарантируетъ себя этимъ отъ безработицы. Конечно, если бы кто-нибудь предложилъ эту мѣру въ то, время, когда безработица достигла значительныхъ размѣровъ, то страхъ передъ сокращеніемъ заработка побудилъ бы огромное большинство высказаться противъ того, чтобы уничтожить безработицу, подѣлившись своимъ рабочимъ временемъ съ безработнымъ. Но проведеніе такой мѣры тогда, когда безработица еще только начинается, было бы встрѣчено рабочими массами съ энтузіазмомъ.*)

Наконецъ, уничтоженіе безработицы путемъ проведенія упомянутой мѣры—насущная необходимость для русскаго пролетаріата. Развитіе безработицы и обостреніе конкуренціи повело бы къ потерѣ такихъ существенныхъ завоеваній революціи, какъ контроль надъ производствомъ, 8-мичасовой рабочій день, свобода союзовъ и стачекъ. Предприниматели получили бы возможность выкинуть за ворота всѣхъ энергичныхъ и сознательныхъ рабочихъ, замѣнивъ ихъ тѣми людьми, которыхъ голодъ заставилъ бы подчиниться всѣмъ условіямъ, продиктованнымъ капиталистомъ.

Съ принятіемъ мѣръ противъ безработицы слѣдуетъ торопиться. Ихъ надо проводить пока не поздно. Профессіональнымъ союзамъ и фабрично-заводскимъ комитетамъ предстоитъ выполнить важную и отвѣтственную работу, и ихъ надо подготовить къ этому соотвѣтствующей пропагандой.

Виталій.

*) Порукой въ томъ, что эта мѣра борьбы съ безработицей проста и практична, служитъ ея популярность среди англійскихъ синдикалистовъ. См. Томъ Маннъ—„Современное положеніе англійскаго производства", № 41, „Знамя Труда", 1913 г.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Вернувшись въ Петроградъ, увѣдомляю заинтересованныя организаціи и отдѣльныхъ товарищей о возобновленіи мною прерваннаго, на мѣсяцъ, курса лекцій и о возможности постановки лекцій тамъ, откуда поступали запросы.

Для переговоровъ, *какъ относительно возобновленія лекцій*, такъ и относительно постановки и устройства новыхъ лекцій всякаго рода, прошу товарищей обращаться въ контору „Голоса Труда" *по вторникамъ, отъ 6 час. вечера*.

Съ товар. привѣтомъ *Волинъ*.

Заявленіе.

Заводской Комитетъ завода «Однеръ» проситъ насъ напечатать нижеслѣдующее заявленіе:

Ознакомившись, въ маѣ мѣсяцѣ, съ призывомъ жертвовать на нужды военно-плѣнныхъ, въ виду ихъ крайне тяжелаго положенія, рабочіе нашего завода, подобно товарищамъ съ другихъ заводовъ, рѣшили отработать въ пользу военно-плѣнныхъ полъ-дня. Такимъ образомъ, составилась сумма 1035 руб. 90 коп.

Нашъ уполномоченный, тов. И. Орловъ, явился съ этой суммой въ помѣщеніе Таврическаго Дворца—въ надеждѣ, что тамъ имѣется учрежденіе, принимающее эти суммы.

Не зная, куда именно надо обратиться, тов. Орловъ спросилъ объ этомъ швейцара, который и направилъ его въ одинъ изъ павильоновъ. На вопросъ т. Орлова, здѣсь ли принимаются пожертвованія въ пользу военно-плѣнныхъ, ему отвѣтили утвердительно. Онъ внесъ деньги и получилъ квитанцію *отъ имени «Казначейства Временнаго Комитета Государственной Думы»*.

23-го сентября, заводъ «Однеръ» получилъ отъ Временнаго Комитета Государственной Думы слѣдующій документъ:

Временный Комитетъ
Государственной Думы
22 Сентября 1917 г.
№ 5087.

Рабочимъ завода «Однеръ», чрезъ И. Орлова.

Отъ имени Временнаго Комитета Государственной Думы приношу глубокую благодарность за привѣтствіе и пожертвованіе. Въ единодушномъ, со всѣхъ концовъ Родины, и горячемъ откликѣ на совершившееся измѣненіе государственнаго строя Государственная Дума и Временный Комитетъ видятъ залогъ побѣдоноснаго окончанія войны и свѣтлаго будущаго обновленной на началахъ права, свободы и справедливости великой Россіи.

Предсѣдатель Временнаго Комитета, Предсѣдатель Государственной Думы М. Родзянко.

Въ виду этого, заводской комитетъ завода «Однеръ» считаетъ необходимымъ: 1) энергично опротестовать искаженіе, въ приведенномъ документѣ, самаго факта, такъ какъ никакого «привѣтствія» Временному Комитету Госуд. Думы рабочіе завода «Однеръ» не дѣлали; 2) заявить, что ни въ какой благодарности рабочіе не нуждаются; и 3) подчеркнуть, что деньги вносились рабочими только и исключительно на нужды военно-плѣнныхъ и никакого отношенія къ Вр. Ком. Гос. Думы не имѣли. Попали же эти деньги въ руки Вр. К-та совершенно случайно.

Заводской Комитетъ завода «Однеръ» проситъ напечатать настоящее заявленіе, дабы предупредить всякую возможность использованія случайныхъ сношеній завода съ Вр. К-томъ какъ самимъ этимъ К-томъ, такъ и кѣмъ-либо еще, или же въ печати, въ невѣрномъ освѣщеніи.

ВОЗЗВАНІЕ.

Къ товарищамъ, вернувшимся изъ Америки, и ко всѣмъ, симпатизирующимъ „Голосу Труда".

ТОВАРИЩИ!

Приближается день, который, изъ года въ годъ, считался какъ русскими рабочими-эмигрантами въ Америкѣ, такъ и значительной частью американскаго пролетаріата своимъ, рабочимъ праздникомъ. День, который, подобно дню 1-го мая или дню Парижской Коммуны, долженъ былъ бы и будетъ когда-нибудь праздноваться революціонными рабочими всего міра. День 29-го октября (11-го ноября). **День памяти Чикагскихъ мучениковъ.** День, въ который буржуазное американское правительство, въ 1887 году, то-есть ровно 30 лѣтъ назадъ, провокаціоннымъ образомъ вырвало изъ среды рабочихъ восемь товарищей-анархистовъ, имена которыхъ извѣстны не только всей Америкѣ, но и далеко за предѣлами ея: Парсонсъ, Шписъ, Фишеръ, Энгель, Лингъ, Нибе, Швабъ и Фильденъ. Вырвало, бросило въ тюрьму и осудило за революціонную агитацію въ пользу 8-мичасового рабочаго дня. Они первые проповѣдывали въ Америкѣ Всеобщую Стачку, какъ дѣйствительную мѣру борьбы за рабочее дѣло. И жестоко поплатились. Первые четыре товарища были казнены; Лингъ самъ убилъ себя, въ надеждѣ спасти этимъ своихъ товарищей; а послѣдніе трое были приговорены къ каторжнымъ работамъ.

ТОВАРИЩИ!

Федерація Союзовъ Русскихъ Рабочихъ въ Америкѣ, на первомъ своемъ съѣздѣ въ г. Детройтѣ въ 1914 г., постановила ежегодно обращать въ этотъ день,—**день памяти чикагскихъ мучениковъ, 29 окт. (11 нояб.),—однодневный заработокъ въ пользу газеты „Голосъ Труда".**

Съ тѣхъ поръ, обычай этотъ неуклонно соблюдался русскими товарищами-рабочими въ Америкѣ. День 29 окт. (11 ноября) считался «днемъ Голоса Труда». Помимо отчисленія въ пользу газеты однодневнаго заработка, русскіе товарищи въ Америкѣ производили въ этотъ и ближайшіе къ нему дни всевозможные сборы въ пользу «Голоса Труда», устраивали предпріятія, лекціи, митинги и т. д.

Товарищи! Одной изъ главныхъ нашихъ задачъ въ настоящее время является превращеніе «Голоса Труда» въ ежедневную газету. Надо сдѣлать все возможное, чтобы «Голосъ Труда» сталъ, возможно скорѣе, ежедневнымъ органомъ. И я предлагаю всѣмъ товарищамъ-рабочимъ и сочувствующимъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, отчислить въ пользу «Голоса Труда» однодневный заработокъ 29-го октября, а также устраивать въ этотъ и ближайшіе къ нему дни сборы, лекціи и митинги въ пользу нашей газеты. Сборы можно производить по подписнымъ листамъ, какъ это дѣлалось и въ Америкѣ. Подписные листы можно получать въ конторѣ газеты.

Если мы будемъ энергичны и дѣятельны, мы добьемся, что «Голосъ Труда» станетъ ежедневникомъ.

Товарищи! Я дѣлаю починъ и прилагаю при семъ 25 руб. И надѣюсь, что другіе послѣдуютъ за мной.

Дѣйствуйте, товарищи! Будущее—за нами.

Ф. Шеферъ.

Голосъ провинціи.

По всѣмъ угламъ земли русской слышатся стоны угнетенныхъ и порабощенныхъ. Стонетъ голодный, истрадавшійся крестьянинъ и рабочій. И рѣдко-рѣдко господинъ адвокатъ, усѣвшійся у кормила правленія, обращаетъ свой взоръ на этого кормильца земли русской...

А вѣдь не такъ давно голосами и кровью кормильца вынесены были на поверхность эти новые носители власти. Еще помнятся ихъ предвыборныя сладкія рѣчи, уснащенныя различными обѣщаніями; еще звучатъ въ ушахъ ихъ клятвы выборщикамъ... Еще не завяла трава на могилахъ павшихъ борцовъ, которые умирали за «равенство, братство и свободу».

Неужели же всѣ жертвы принесены были только для того, чтобы подтянуть животы да стоять по 24 часа въ очередяхъ, дожидая куска хлѣба? Неужели братья гибли и проливали кровь ради того смрада и ужаса, которыми полна теперь жизнь? Неужели все живое, благородное, подымавшее людей на борьбу за свѣтлое будущее, умерло и растоптано въ грязи? Неужели суждено и на этотъ разъ рабамъ остаться и быть рабами, а господамъ — ихъ властителями? Неужели этотъ рабъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ разбившій заржавленныя цѣпи самодержавія, позволитъ теперь заковать себя въ новыя, еще не ржавыя цѣпи рабства?

Нѣтъ, нѣтъ. Прислушиваясь къ тому, что говорится и дѣлается вокругъ; присматриваясь къ работѣ господъ выборныхъ, обѣщавшихъ защищать интересы бѣдноты, съ радостью думаешь, что дѣло революціи еще не погибло; что неминуемъ ещѣ «девятый валъ», который выброситъ массы изъ временнаго тупика и кинетъ ихъ на борьбу не за «свободу», сочиняемую новыми господами, безнадежно ищущими власти,—господами которые, словно земляные черви на дождь, выползли отовсюду и присосались къ больному общественному организму,—а за истинную свободу и хлѣбъ всѣмъ неимущимъ, угнетеннымъ и обманутымъ...

Горе будетъ тогда тѣмъ, кто задумаетъ остановить новый, *творческій* разбѣгъ массъ. Ибо девятый валъ, народный валъ захлеснетъ тогда «спасителей революціи» и, черезъ ихъ трупы, понесетъ революцію къ берегамъ поистинѣ новой жизни...

Малишевскій.

Черниговъ, 12 Сентября.

Фондъ „Голоса Труда"

Мы печатаемъ сегодня третій спис[окъ] суммъ полученныхъ въ пользу Фо[нда] «Голоса Труда».

Не мѣшаетъ снова напомнить товарищ[амъ], что отъ успѣха нашего фонда зави[ситъ] въ значительной мѣрѣ существованіе [на]шего еженедѣльника, и что долгъ кажд[аго] товарища и сочувствующаго нашей про[па]гандѣ способствовать по мѣрѣ своихъ с[илъ] расширенію Фонда. Главнымъ образо[мъ] это относится ко всѣмъ товарищамъ ра[бо]тающимъ на фабрикахъ и заводахъ.

Желающіе собирать пожертвованія [по] спеціальнымъ подписнымъ листамъ мог[утъ] получать таковые въ конторѣ Г. Т.

СПИСОКЪ 3.

Х.	— р. 8[…]
Группа политическихъ эмигрантовъ черезъ Г., Одесса	104 »
Неизвѣстный	— »
М. Шалаевъ	1 »
Крезолъ	5 »
Рабочіе башмачной мастерской Глезера	64 »
Е. Упитъ	10 »
Черезъ т. Петровскаго (Обуховскій заводъ) По подписн. листу № 5	34 р.
» » » № 6	31 »
» » » № 8	18 »
» » » № 10	25 »
» » » № 12	28 »
» » » № 13	12 » 60
» » » № 14	6 »
» » » № 9	30 »
Рабочіе Арсенала, шорная мастерская	16 »
Зайнденваръ	2 »
Митрофановъ	1 »
Собрано т. Лебедевымъ	1 »
Собрано на лекціи т. Шатова	155 »
Итого	548 р.
По прежнему итогу	2.729 »
Общій итогъ	3.277 р.

Въ фондъ политическихъ заключенныхъ [полу]чено отъ т. Митрофанова 1 р.

Редакторъ: В. М. ЭЙХЕНБАУМЪ (ВОЛИН[Ъ])
Издатель: Союзъ анархо-синдикалистс[кой] пропаганды.

Складъ „Голосъ Труда".

Нами получены отъ Московской федераціи Анархическихъ Гру[ппъ] (Москва, Крымскій валъ, Мароновскій пер. д. 12, кв. 7), нижеобоз[на]ченныя анархическія брошюры и книги. Въ виду того что денеж[ный] оборотъ Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды не позволя[етъ] намъ высылки литературы *нами не изданной* въ кредитъ, мы принужд[ены] высылать ее лишь тѣмъ кто УПЛАТЯТЪ за брошюры ПРИ ЗАКА[ЗѢ]. Никакой скидки на книги и брошюры не изданныя Союзомъ не дѣл[ается].

П. Кропоткинъ, Великая Революція	— р. 30 к.
П. Кропоткинъ, Хлѣбъ и Воля 2 »	25 »
П. Кропоткинъ, Наши богатства и Довольство для всѣхъ.	— » 25 »
П. Кропоткинъ, Анархія и ея мѣсто въ соціалистической эволюціи	— » 25 »
Э. Реклю, Анархія и Церковь	— » 20 »
Э. Реклю, Анархія	— р. [...]
П. А., Учредительное Собраніе или Соціальная Революція.	— » [...]
Э. Малатеста, Краткая система анархизма	— » [...]
Э. Малатеста, Крестьянскія рѣчи	— » [...]
Д. Эдельштадтъ, Анархизмъ коммунизмъ	— » [...]

Имѣются на складѣ также слѣдующія изданія:

П. Кропоткинъ, Нравственныя начала анархизма	— р. 65 к.
П. Кропоткинъ, Коммунизмъ и Анархія	— » 30 »
І. Мостъ, Религіозная язва	— р. [...]
Какъ попы поработили народъ ученіемъ Христа	— » [...]

На дняхъ выходятъ въ свѣтъ слѣдующія изданія Петроградскаго Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды:

П. Кропоткинъ, Новый Интернаціоналъ — р. [...]
П. Кропоткинъ, Политическія права — » [...]
Ж. Ивто, Азбука Синдикализма — » [...]

Организаціи получаютъ 25% скидки.

ЦИРКЪ МОДЕРНЪ.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ тов. ВОЛИНА

на тему

Кризисъ соціализма и рабочее движеніе за-границей

состоится

въ Воскресенье, 8-го Октября, въ 7 ч. веч.

Плата за входъ — 75 коп. Солдаты — 25 коп.

Билеты—въ конторѣ „Голоса Труда" или при входѣ, въ кассѣ цирка.

Печатано въ Типографіи Аренд. Акц. О-ва „Домъ Печати" В. О., 16 линія, 5—7.